

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 Г.

РУССКИЕ В ЕВРОПЕ В 1813–1814 ГГ.: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОЛДАТ С МИРНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

Н.А. Могилевский

Кафедра истории России XIX – начала XX в.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский пр-т, 27-4, Москва, Россия, 119992

В статье анализируются взаимоотношения солдат русской армии и местного населения в ходе Заграничного похода 1813–1814 гг. Автор показал противоречивый характер взаимоотношения русских и пруссаков: с одной стороны, радость мирного населения от встречи с российскими войсками, а с другой – многочисленные факты насилия и мародерства со стороны солдат «армии-освободительницы». Также в статье исследуется проблема предотвращения русским командованием потенциальной «народной войны» на территории Франции.

Ключевые слова: заграничный поход, русская армия, местное население, мародерство, Пруссия.

Заграничный поход русской армии 1813–1814 гг. длился 14 месяцев. За это время наши войска прошли почти по всей Центральной Европе – от Польши до Франции. Вполне естественно, что такой важный вопрос, как взаимоотношения русских солдат и местного населения, должен был стать объектом пристального изучения историков. Но этого не случилось: в отечественной историографии, как дореволюционной, так и советской, не была предпринята ни одна попытка глубоко взглянуть на столь важный и сложный элемент похода. Ученые, как правило, ограничивались констатацией практически образцового поведения русских воинов на территории Европы, приводя в качестве доказательства многочисленные мемуары участников похода, подкрепляя это приказами по армиям, отмечавших дисциплину и порядок, который удается поддерживать в русской армии.

Однако такой, несколько упрощенный взгляд на события не подтверждается при более внимательном анализе как опубликованных, так и архивных материалов. Эта статья является попыткой взглянуть детальнее на взаимоотношения русских солдат и населения тех земель, через которые шли российские войска.

Война должна кормить сама себя, повторял за своим старшим товарищем Лазарем Карно Наполеон. Это было принципиальной позицией французского императора, стремившегося максимально полно использовать ресурсы покоренных территорий и тех земель, через которые шли его армии. Зачастую это приводило к банальному грабежу местного населения, отвечавшего французским войскам сильнейшей ненавистью, а кое-где (в Испании, России) поднимавшегося на партизанскую войну.

Когда в декабре 1812 г. стало ясно, что война для измотанной русской армии продолжится и за пределами России, одной из важнейших забот командования стало соблюдение дисциплины в Европе. Первым же серьезным испытанием грозил обернуться марш по герцогству Варшавскому.

Взаимная многовековая неприязнь русских и поляков, подогретая участием (и весьма активным) польских солдат в походе на Москву, могла стать отличным катализатором для грабежей и насилия со стороны измотанных и голодных русских солдат.

Кутузов, отлично понимая, как важно Александру I создать благоприятное впечатление у поляков, которых русский царь уже рассматривал как будущих подданных, отдал строгий приказ генералу Милорадовичу, двигавшемуся на Варшаву: «Должно будет... заботиться о тишине в сем городе (Варшаве. – *Н.М.*) и о обезоружении тамошних жителей» (1).

В польской столице ждали русских с разными чувствами: «Знатные и богатые помещики выехали из Варшавы в Краков... Жители варшавские большею частию желают приходу русских, а помещики боятся» (2).

Милорадовичу удалось не допустить повального грабежа и прочих «прелестей» войны, за что он впоследствии был удостоен похвалы от главнокомандующего (3). Однако мирную в целом картину прохода русской армии по польской земле подпортили казаки: они не стеснялись в обращении с местными жителями, в результате чего «сделались продавцами золота целой Европы» (4). Вступив на «вражескую» землю и увидав вокруг множество наживы, казачьи части начали стремительно терять свое главное преимущество – подвижность: «Но сей казак (Платов. – *Н.М.*) вздумал остаться две недели в Ковне, для разделения сокровищ, частью от неприятеля, а большей частью от обывателей заграбленных» (5).

Однако в целом русскому командованию удалось удержать войска от повального мародерства и насилий на польской территории. Гораздо сложнее это оказалось на землях Прусского королевства, куда основные части русской армии вступили в самом начале января.

Пруссия была крайне важным союзником для Александра I. Русский император потратил немало времени на уговоры и посулы нерешительному

прусскому королю Фридриху-Вильгельму III. В конце концов, король согласился отказаться от союза с Наполеоном и повернуть оружие против него. Этот крайне важный успех русской дипломатии следовало закрепить гуманным обращением с прусским населением, дабы то почувствовало разницу между «захватчиками-французами» и «русскими освободителями». За неполные 7 лет французского владычества пруссаки успели исполниться ненависти к завоевателям: «Ужасающие реквизиции, которыми Наполеон изнурял Германию со дня битвы при Аустерлице, окончательно вывели ее из терпения» (6). Солдаты Великой армии не стеснялись в обращении с немцами, что, естественно, вело к повышению народной ненависти к французским войскам. Пруссаки во время кампании 1814 г. с лихвой рассчитаются с жителями Франции за нанесенные им обиды, беспощадно разоряя местное население.

Остановившись на границе России и Пруссии, Кутузов публикует воззвание к народу Пруссии, в котором, в частности, заявляет: «Император повелел мне не поступать неприязненно с прусскими областями и, сколько военные обстоятельства допускают, облегчать участь пруссаков» (7). Отрицая таким образом тезис Наполеона о войне, кормящей «саму себя», Кутузов делал все, от него зависящее, чтобы сформировать образ «солдата-освободителя», корректно и гуманно относящегося к местному населению. Того же самого он требовал и от подчиненных: «...чтобы войска наши, вступившие в Кенигсберг, были признаваемы от жителей, яко избавители, а отнюдь не завоеватели... и предпишите наистрожайше, чтобы обхождение с обывателями было такое, которое бы никакой причины к неудовольствию подать не могло. Собственность прусских обывателей чтоб была неприкосновенна» (из инструкции П.Х. Витгенштейну) (8).

И такая политика принесла свои плоды: русских действительно встречали как освободителей. Это отмечают практически все авторы мемуаров той поры: и Кутузов (из письма Кутузова сестре: «Вообразить нельзя, как мы приняты в Пруссии. Никогда ни прусского короля, ни его войска так не принимали») (9), и рядовые участники похода (10).

По мере продвижения русских солдат восторги пруссаков не только не убавлялись, а наоборот, усиливались.

Подлинным триумфом стало вступление российской армии в Берлин: «Ты не представляешь себе ликование при вступлении русских (в Берлин. – *Н.М.*) и оказанную им повсюду встречу. Русские и пруссаки как братья между собой...» (11) (из письма историка Б.-Г. Нибура невесте, 6 марта (12) 1813 г). Ему вторил и Ф.Н. Глинка, писавший про восторженный прием и крики из толпы во время прохода русских солдат: «С русскими готовы делиться последним: вы наши защитники!» (13). Подобный теплый прием ждал наши войска не только на территории Восточной Пруссии. Барклай де Толли доносил, что «при входе отряда графа Воронцова во Франкфурт магистрат и все жители встречали войска наши с непритворною радостью» (14). Кутузов с

удовлетворением писал: «Поведение наших войск здесь всех удивляет, и моральность в солдатах такая, что и меня удивляет» (15).

Идиллическая картина, складывающаяся из этих свидетельств, на поверку оказывается не столь уж радужной. Об этом говорит целая серия приказов, отданных Кутузовым и его генералами. Из них видно, что русские солдаты не всегда вели себя как «освободители».

Первым из серии таких документов можно считать распоряжение главнокомандующего от 8 января 1813 г., по которому прусские жандармы имели право брать под стражу «нижних чинов, к российской армии принадлежащих, кои будут чинить обиды и непорядки, и препровождать в ближайšie команды» (16). И если эту меру можно считать скорее упреждающей (хотя и весьма показательной), то по степени продвижения русской армии на запад росло и число строгих приказов, направленных на поддержание порядка. 21 января Кутузов запрещает задерживать подводы местных жителей, а требовать фураж и еду можно лишь через квартирмейстеров, без «малейшего насилия, но с сохранением по всей возможности порядка» (17).

Подобные приказы будут появляться в среднем раз в месяц (18), практически на всем протяжении марша российских солдат по Пруссии.

Преследование отступавших французов требовало от потрепанной и не вполне пришедшей в себя после марша от Москвы русской армии мобильности и энергичности, и в желании некоторых командиров полков «позаимствовать» телеги у местного населения нет ничего странного. Но допускать подобный произвол в стране, которая была объявлена самым верным союзником России, было нельзя. Оттого командование стремилось максимально регламентировать любые контакты солдат и мирного населения.

Это касалось и вопросов продовольствия, и фуража для армии. Кутузов немало сил потратил на создание провиантских складов, располагавшихся на пути следования резервов, подходивших к армии из России. Отлично понимая, что одна из самых главных опасностей для жителей – это шайки мародеров (в которые легко превращались разрозненные военные части), командование старалось максимально строго следить за исполнением приказа от 18 марта, по которому отрядам, идущим на соединение с главными войсками, предписывалось ходить только по «большой военной дороге», так как там уже заготовлены продовольствие и фураж. А отряды, сворачивавшие с нее, «причиняют жителям обиды» (19).

За два месяца русские войска, преследуя французов, вышли к границам Саксонии. С этим королевством можно было поступать более сурово: саксонский король одним из последних перешел на сторону союзников, до конца сохраняя верность Наполеону. Отсюда такое жесткое решение Кутузова о проведении реквизиций продовольствия и взимания контрибуции в Саксонии, «основываясь на правах войны» (20).

После двух сражений в мае 1813 г. (при Люцерне и Бауцене) было заключено долгожданное перемирие, в котором остро нуждались обе стороны.

По его условиям войска противоборствующих сторон должны были оставаться там, где их застало перемирие. Русские войска были застигнуты этой вестью в Богемии, на территории постепенно склонявшейся к союзу с Россией и Пруссией Австрии. Однако потенциальные союзники были совершенно не рады пребыванию в своих землях чужой армии и постарались максимально осложнить пребывание русских солдат в Богемии. «Мы часто нуждались в квартирах и пище по недружественным распоряжениям австрийцев; когда нужда заставляла посылать нас на фуражировку, то по людям нашим стреляли, а после нас же наказывали», – вспоминал позже Н.Н. Муравьев (21).

Поддерживать дисциплину на территории Австрийской империи было, пожалуй, еще важнее, чем в Пруссии, – Александр I потратил почти полгода, убеждая и уговаривая императора Франца выступить против Бонапарта, и перечеркнуть плоды стольких дипломатических усилий шальной дракой между русскими солдатами и австрийцами было бы непозволительной роскошью. А такие происшествия бывали нередки: «Однако когда наши выходили из терпенья, то, не взирая на приказания начальства, они вступали в бой с вооруженными мужиками и австрийцами...» (22).

Подобные случаи русские генералы старались замять, прекрасно понимая, что дрались их подчиненные не со скуки, а из-за тех невыносимых условий, которые им создавали будущие союзники-австрийцы. Мало того, что заготовка фуража и продовольствия шла медленно, так еще и цены на продукты и жилье были задраны до предела – это почувствовали на себе как рядовые участники Заграничного похода (23), так и генералы (24).

«Неприветливость» богемских жителей, дополнявшаяся неприязнью со стороны австрийских солдат, осложняла жизнь российской армии. Но приходилось переносить эти трудности во имя высших политических целей. А австрийцы, чувствуя свою важность и необходимость для коалиции, уже задним числом переслали статс-секретарю К.В. Нессельроде жалобы губернатора Богемии на «тяжесть постоя русских войск» (25). Российский МИД терпеливо снес и этот жест союзников, пообещав компенсировать все затраты богемских властей.

После возобновления военных действий, в августе 1813 г., союзные войска совершали замысловатые маневры по территории Центральной Германии, пока наконец не оказались в Саксонии, вблизи Лейпцига. Там и произошла знаменитая «Битва народов», в которой французские войска потерпели поражение и были вынуждены очистить немецкие земли. Войска антинаполеоновской коалиции медленно подтягивались к Рейну, готовясь продолжить поход по французской земле. Перед русским командованием встала серьезнейшая задача – не допустить никаких грабежей и насилий во Франции. На этом настаивал лично император, имевший далеко идущие политические соображения. Александр I подчеркнул свою мысль в декабрьском приказе по войскам: «Я несомненно уверен, что вы кротким поведением своим в земле неприятельской столько же победите ее великодушием своим, сколько оружием» (26).

Императором двигала двоякая цель: забота об образе союзных солдат (и о своем собственном) – необходимо было убедить население, что к нему идут не завоеватели, а освободители от гнета Наполеона, и воевать союзники намерены только с Бонапартом, а не с французами в целом (27). Кроме того, союзных государей крайне пугала мысль о начале народной войны на территории Франции, о повторении кошмарного для них опыта войны с революционной Францией в 1791–1793 гг.

Опасения были не беспочвенными: Наполеон неоднократно призывал французов взяться за оружие и истреблять «всех до последнего солдат армии коалиции» (28).

Чтобы исключить малейшую возможность партизанской войны, нужно было на корню пресечь мародерство и насилия над населением. А делать это становилось все сложнее. «До сведения моего доходит, что в тылу армии происходят большие шалости и беспорядки от отсталых и мародеров», – выговаривал военному генерал-полицеймейстеру Ф.Ф. Эртелю Барклай де Толли (29). Нечто подобное он писал и атаману Платову: «Доходят до меня жалобы на шалости, делаемые Казаками войска Донского... а потому Вашему сиятельству... отношусь с покорнейшей просьбой моей о принятии строжайших мер к прекращению всех таковых беспорядков и насилий» (30).

Всплеск количества случаев мародерства и насилий по мере продвижения наших солдат к границе с Францией объясним: театр военных действий перемещался в края, население которых не было столь радушно настроено по отношению к союзникам. Западногерманские земли до последнего оставались верными Бонапарту и перешли к союзникам лишь под давлением обстоятельств (31), а потому их жители добровольно предоставлять фураж и продовольствие русским войскам готовы не были. Да и наши солдаты понимали, что с этими немцами можно не так церемониться, как с пруссаками или даже австрийцами, – начальство будет смотреть на «шалости» сквозь пальцы.

Справедливости ради стоит сказать, что «усердствовали» в западнонемецких краях не только русские: австрийские мародеры «шатались по деревням», причем австрийское начальство с ними справиться не могло, и Шварценберг просил русских казаков (!) «собирать шатающихся солдат, и по собрании некоторой команды, препроводить ее... в главное дежурство князя Шварценберга» (32).

Не допустить всего этого на территории Франции могла лишь до мелочей продуманная система снабжения войск необходимым фуражом и продовольствием, а также строгость и дисциплина. «Я уверен также, что начальствующие над вами не оставят взять нужных для сего и строгих мер, дабы несогласные с сим поступки некоторых из вас, не помрачили бы к общему вашему прискорбию того доброго имени, которым вы доселе по справедливости славитесь», – говорилось в цитированном выше приказе Александра I по войскам (33).

О строжайшей дисциплине и недопустимости насилия над гражданским населением говорилось и в приказе главнокомандующего союзными войсками Шварценберга (34) от 8 января 1814 г.

И хотя идеальной дисциплины добиться не удалось («Несмотря на все предписания, каким образом они должны вести себя», – с грустью отмечал Барклай де Толли, наши войска «причиняют обиды жителям, от которых входят жалобы») (35), эти меры дали желаемый эффект: партизанской войны, по крайней мере широкомасштабной, удалось избежать. Разжечь ее пламя не смог даже знаменитый «фимский» декрет Наполеона о всеобщем вооружении (36), хотя прославленному партизану Сеславиному и казалось, что «народная война во Франции, которой начало я уже почувствовал», вот-вот вспыхнет (37).

31 марта 1814 г. союзники вступили в Париж, население которого приветствовало их как освободителей. Огромная заслуга в конечном успехе союзников принадлежит русским войскам, без устали сражавшимся с Наполеоном с июня 1812 г. Своим поведением в Европе, далеко не всегда идеальным, но, тем не менее, отличавшим их от войск Бонапарта, они сумели убедить поляков, пруссаков и даже французов, что перед ними не шайки мародеров, а солдаты, подчиненные жесткой дисциплине.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) М.И. Кутузов: Сб. док-тов. – М., 1956. – Т. 5. – С. 163.
- (2) Там же. – С. 59.
- (3) Там же. – С. 210.
- (4) Отечественная война в письмах современников. – СПб, 1881. – С. 445.
- (5) Там же. – С. 438.
- (6) История XIX века. Под редакцией профессоров Лависса и Рамбо. – М., 1938. – Т. 2. – С. 289.
- (7) Фельдмаршал Кутузов: Сб. док-тов и материалов. – М., 1947. – С. 257.
- (8) М.И. Кутузов... – Т. 5. – С. 33.
- (9) Там же. – С. 98.
- (10) См.: *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера. – М., 1990. – С. 146; 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записки генерала М.С. Воронцова. Дневники офицеров русской армии: Из собрания Гос. ист. музея (далее – 1812–1814...). – М., 1992. – С. 414.
- (11) Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии (далее – Поход русской армии...). – М., 1964. – С. 91.
- (12) Все даты даются по новому стилю.
- (13) *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера. – С. 175.
- (14) М.И. Кутузов... – Т. 5. – С. 369.
- (15) Там же. – С. 400.
- (16) Там же. – С. 86.
- (17) Там же. – С. 156.

- (18) Там же. – С. 449; См.: Поход русской армии... – С. 104.
(19) Поход русской армии... – С. 104.
(20) М.И. Кутузов... – Т. 5. – С. 319.
(21) Записки Н.Н. Муравьева-Карского // Русский архив. – 1886. – Кн. I. – С. 10.
(22) Там же.
(23) Раевский А.Ф. Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов. – СПб, 1822. – С. 68–69.
(24) 1812–1814... – С. 238.
(25) АВП РИ. – Ф. 133. – Оп. 468. – Д. 1590. – Л. 1.
(26) Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. – СПб, 1816. – С. 152.
(27) Archives du Ministère des affaires étrangères: Mémoires et documents. – France: Affaires intérieures. – Vol. 670. – F. 26–27 Rev.
(28) АВП РИ. – Ф. 133. – Оп. 468. – Д. 1591. – Л. 14; Д. 1384. – Л. 19.
(29) Война 1813 г.: Материалы ВУА. – П., 1914. – Т. I. – С. 222.
(30) Там же. – С. 223.
(31) См.: Искюль С.Н. Рейнский союз и Пруссия в 1813 г. // Новая и новейшая история: Межвузовский научный сборник. – Саратов, 1977. – Вып. 3. – С. 113.
(32) РГВИА. – Ф. 846. – Оп. 16. – Д. 4120. – Ч. 1. – Л. 44.
(33) Собрание высочайших манифестов... – С. 152.
(34) РГВИА. – Ф. 846. – Оп. 16. – Д. 4120. – Ч. 1. – Л. 92.
(35) Война 1813 г.: Материалы ВУА. – Т. I. – С. 289–290; См. также: История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо. – Т. 2. – С. 329–331.
(36) Correspondance de Napoléon I. – P., 1868. – Vol. 27. – P. 289.
(37) РГВИА. – Ф. 846. – Оп. 16. – Д. 4120. – Ч. 2. – Л. 339.

RUSSIAN ARMY IN EUROPE IN 1813–1814: THE RELATIONSHIPS BETWEEN SOLDIERS AND THE POPULATION

N.A. Mogilevskiy

Department of Russian History of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries
Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky Pr-t, 27-4, Moscow, Russia, 119992

Author of the article analyzes the relationships between the soldiers of Russian army and the population of Prussia. Austria and France during the European campaign of 1813–1814. The author shows a large contradiction between the enthusiasm of the Prussians and a great number of facts of the marauding of the Russian soldiers. Besides author shows great efforts of Russian headquarters to avoid the guerrilla war in France in 1814.

Key words: European campaign of Russian army, population, marauding, Prussia.